

Гу Ли долго смотрел на него, а затем придвинулся ближе и поцеловал — так нежно и легко, словно этот поцелуй был едва слышным вздохом.

Вскоре после этого мужчина нанёс личный визит декану, и спустя всего несколько дней грязные слухи в университете развеялись, точно дым. Студенты теперь в один голос твердили, что человек, ежедневно забирающий Чэнь Юаньцина, — не кто иной, как его родной дядя, почтенный и влиятельный родственник.

Те немногие шутники, что прежде распускали языки, теперь чувствовали себя крайне неловко; их поспешные и язвительные догадки выставили их же полными дураками.

Ду Юньтин, больше не отвлекаясь на пересуды, полностью погрузился в подготовку к конкурсу. Спустя несколько месяцев он завоевал серебряную медаль на престижной художественной выставке.

Этот триумф стал звонкой пощёчиной для всех, кто кричал о его бездарности и «связях». Картина была выставлена в главном зале академии, привлекая толпы студентов. На полотне среди густых зарослей терновника был запечатлён хрупкий юноша, голыми руками разрывающий прутья своей клетки. Его окровавленные пальцы судорожно сжимали другую руку, переплетаясь в крепком рукопожатии, — казалось, в этом жесте он черпал непоколебимую веру и силу.

Гу Ли до блеска отполировал медаль и повесил её на самом видном месте в своём кабинете, чтобы каждый входящий мог оценить достижение его племянника.

Деловые партнёры, старые лисы, съевшие собаку на интригах, сразу замечали, как важна для Гу Ли эта награда. Даже если искусство их не интересовало, они из вежливости задавали пару вопросов и, узнав, что это работа младшего члена семьи, рассыпались в комплиментах.

«Юный гений», «невероятный талант» — лестные эпитеты лились рекой. Господин Гу, вопреки своей обычной холодности, слушал эти похвалы с явным удовольствием, и выражение его лица во время переговоров становилось куда мягче. Поняв, в чём кроется секрет расположения главы семьи, посетители готовы были превозносить Ду Юньтина до небес.

Чэнь Юаньцин уже и забыл, когда в последний раз слышал столько добрых слов.

Он слишком долго томился в клетке психологических манипуляций. Под постоянным гнѐтом его воля подавлялась, любые начинания высмеивались, и постепенно из независимой личности он превратился в покорного раба, живущего лишь ради одобрения Сяо Пиннаня.

До Ду Юньтина дошли новости и о самом Сяо Пиннани. Когда впервые разрешили свидание в

тюрьме, из семьи Сяо никто не пришёл. Родители всё ещё таили на него злобу и не желали видеть сына, который лишился и денег, и всяких перспектив.

Вести передавались через родственников других заключённых: говорили, что Пиннаню приходится несладко.

— Совсем немного времени прошло, а он уже, говорят, в камере ногу сломал... — Рассказчики лишь горестно качали головами. — Теперь до конца жизни хромать будет, нормально не пойдёт. Это всё тот человек, что на них донёс. Говорят, специально подстроил, даже рискнул добавкой к сроку, лишь бы того покалечить. Настоящий зверь.

Зверь не зверь, а понять его можно было. Если бы кто-то обманом завлекал чужого ребёнка, промывал ему мозги и подбивал на самоубийство, любой нормальный родитель, не щадя жизни, постарался бы стереть мерзавца в порошок.

За решёткой действуют свои законы. Сяо Пиннань не привык к физическому труду, силой не отличался и мог похвастаться лишь смазливим лицом. Но какая польза от красоты в таком месте? Здесь это скорее проклятие. Не прошло и пары месяцев, как его превратили в тень прежнего себя. О былых схемах и психологических ловушках пришлось забыть: теперь он боялся даже слово лишнее вымолвить.

Здесь обитатели — совсем не те наивные дети, вроде Чэнь Юаньцина. Попробовал бы заключённый применить к ним свою тактику «сначала возвысь, потом вызови жалость и подави», от него бы и мокрого места не осталось. Тюрьма была явно не тем местом, где работают подобные сценарии.

Поэтому Пиннань притих, оставив всякие надежды на манипуляции. Его единственной целью стало просто пережить эти годы. Он надеялся, что, выйдя на свободу, он будет ещё в приличном возрасте и, возможно, сможет найти себе другого богатого покровителя, чтобы снова подняться.

Так он думал ровно до того момента, пока во время работ ему на колени не обрушился тяжёлый удар лопатой. Прежде чем он успел вскрикнуть, кто-то зажал ему рот и с неистовой яростью принялся дробить коленную чашечку.

Хватка была настолько крепкой, что крик превратился в едва слышный хриплый стон, а по лицу потекло что-то липкое и горячее. Та ничтожная искра надежды, что ещё теплилась в его душе, рассыпалась в прах в тот миг, когда он увидел лицо нападавшего.

Возможно, кто-то и закрыл бы глаза на его прошлое, если бы он сохранил привлекательность. Но теперь, став калекой, мужчина понимал: лицо его больше ничего не стоит.

Его жизнь... его будущее... всё было кончено.

Сяо Пиннань лежал в собственной крови, и в голове его билась лишь одна мысль: как же всё к этому пришло?

Ледяной пол охлаждал тело. Он закрыл глаза рукой, издав прерывистый, почти нечеловеческий всхлип.

Чтобы лучше заботиться о племяннике, Гу Ли нанял экономку. Женщина была уже в возрасте, её сыну перевалило за двадцать, но он так и не смог найти себе жену.

Как-то раз, моя овощи, она тяжело вздохнула:

— Не городские мы, трудно невесту найти. Был бы он хоть немного поудачливее, устроился бы в городе на работу — тогда другое дело.

Сваха советовала ей схитрить: не говорить девушке о сельской прописке жениха, мол, когда чувства станут крепкими, расстаться будет труднее. А если удастся сделать так, чтобы невеста забеременела до свадьбы, то и на выкупе можно будет сэкономить.

— Разве ж так можно? — Экономка решительно покачала головой, вытирая руки о фартук. — Я университетов не кончала, но понимаю — это ж чистой воды обман. Всю жизнь человеку под откос пустить. Разве можно в таком деле врать?

Эта простая истина была очевидна многим. Но Сяо Пиннань её так и не понял.

Коротких путей к счастью не бывает. Если ты недостаточно хорош — учись и развивайся; если семья бедна — борись и меняй свою судьбу. Не существует безупречных схем, которые гарантируют победу, и никакие манипуляции не принесут истинного триумфа.

Любовь — это дар, а не кинжал, которым ранят других. Только искренность в обмен на искренность — иного пути нет.

Сяо Пиннань не прожил долго. И он, и его так называемый «наставник» столкнулись с местью сокамерников и так и не вышли на свободу. Когда его не стало, 7777 спросила хоста:

[Желаешь ли ты завершить данную миссию прямо сейчас?]

«А у меня есть выбор?»

[Есть, — пояснила 7777. — Хост может выбрать естественный способ ухода или несчастный

случай, чтобы покинуть мир. Время можно определить самостоятельно]

Ду Юньтин, не раздумывая ни секунды, выпалил:

«Конечно, я остаюсь».

Он ещё не насытился жизнью с господином Гу и хотел ценить каждый подаренный им день.

«Кто знает, может, по возвращении в реальность эти воспоминания станут единственным, что будет поддерживать во мне жизнь»

Система замялась, словно хотела что-то сказать, но передумала.

«К тому же, — Ду Юньтин хихикнул. — Гармонизирующая мазь ещё не закончилась. Уйти сейчас было бы непозволительным расточительством»

«Вдруг в следующем мире господина Гу не окажется, и добро пропадёт?»

Подумав об этом, Юньтин поспешно спросил:

«Двадцать восемь, а в следующем мире ты сможешь создать для меня ещё одного господина Гу?»

[...]

«Я же говорила, это не я его создаю!» — 7777 встряхнула базу данных и в гневе отключилась, не желая больше препираться с этим несносным хостом.

Ду Юньтин решил остаться и прожить эту жизнь до конца. Спустя два года они совершили каминг-аут перед старым господином Чэнем и отцом Чэнем. Благодаря заступничеству матери Чэнь старик не впал в ярость, но и принять всё сразу не смог. Он лишь погрозил им тростью и выгнал обоих из дома, заявив, что ему нужно время всё обдумать.

Старик стоял в своей комнате и долго хранил молчание. Мать Чэнь тихо подошла к нему:

— Папа...

Отец не ответил.

Он смотрел в окно на заснеженный сад. Дорожки обледенели, и юноша, закутанный в плотный

шарф, то и дело поскользнулся на гладкой подошве, нелепо балансируя на ходу.

Мужчина же шёл уверенно и протянул юноше руку.

Ду Юньтин схватил его за локоть и вдруг, словно маленький медвежонок, прыгнул ему на спину, утыкаясь пушистой макушкой в плечо. Гу Ли ничуть не удивился — он подхватил его, поддерживая за бёдра.

Они о чём-то переговаривались, и когда Гу Ли присел, юноша ловко вскарабкался на него, со смехом пытаясь засунуть снежок ему за шиворот. Тот вполсилы шлёпнул его, словно в шутливом предупреждении. Он покачал головой, отказываясь от помощи водителя, и медленно понёс своего «маленького племянника» к машине.

Старый господин Чэнь долго наблюдал за ними. Он никогда не видел Гу Ли таким — готовым так просто подставить спину другому человеку.

Разве это был тот холодный и бесчувственный Гу Ли? Перед ним был обычный мужчина, который просто боялся, что его любимый человек споткнётся и упадёт.

...Обычные люди.

Старик медленно опустил трость. Мать Чэнь хотела было продолжить уговоры, но он лишь покачал головой.

— У каждого поколения своё счастье...

Он и этот младший внук и так потеряли двадцать лет. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на бессмысленные раздоры.

Мать Чэнь боялась ошибиться:

— Папа, ты хочешь сказать...

Старый господин Чэнь тяжело вздохнул:

— Здесь нет никакой вины, так что и прощать мне нечего. — Он насупился и добавил: — Позвони им и узнай, придут ли они завтра обедать.

Ду Юньтин прожил в этом мире до семидесяти трёх лет. Для многих стариков этот возраст

становится роковым порогом.

Сам он на здоровье не жаловался, но жизненные силы Гу Ли постепенно угасали. Лёжа в постели, он напоминал высохшее дерево, из которого ушла вся влага. Юньтин умолял систему обменять баллы на лекарство, способное поддержать жизнь господина Гу, но на этот раз 7777 была бессильна.

[Это его линия жизни, — ответила она. — У меня нет прав менять её]

Юньтину больно было это слышать. Это чувство напомнило ему тот день из детства, когда он бежал домой и услышал от врача: «Мы больше ничего не можем сделать». Его мать тогда словно обезумела — впервые забыв о приличиях, она бросилась к носилкам, пытаясь поднять отца, и никто не мог её удержать. Стоя сейчас здесь, Ду Юньтин ощущал ту же растерянность и ужас. Он прижал свою щёку к ладони мужчины. Кожа Гу Ли больше не была гладкой — время оставило на ней глубокие борозды морщин.

Из горла Гу Ли вырвался прерывистый хрип. Он коснулся лица Ду Юньтина, и его движения всё ещё были полны нежности, словно он боялся причинить юноше боль.

Юньтин почувствовал, что тот чего-то ждёт, словно торопит его. Мужчина смотрел на него мутными глазами, в глубине которых всё ещё теплилась кристальная ясность. Он крепко сжал руку юноши, упрямо ожидая заветных слов.

Гу Ли не раз говорил ему о любви. Хоть он и не был мастером нежных признаний, по мере того как они жили вместе, его сердце неизбежно смягчалось. Когда юноша склонял голову ему на колени, Ли перебирал его волосы, чувствуя, как его жизнь наполняется весомым, глубоким смыслом. И в один из таких моментов слова сорвались с его губ сами собой:

— Дядя любит тебя.

Он шепнул это на ухо юноше, ласково поглаживая его по шее. Ду Юньтин тогда замер, а затем поднял на него изумлённый взгляд.

— ...Ян-ян? — спросил тогда Гу Ли. — Что ты должен ответить?

Юньтин долго смотрел на него, и его щёки залил густой румянец. Он подался вперёд и поцеловал мужчину, но в том поцелуе была лишь робкая нежность. Ответа не последовало.

Гу Ли ждал долгие годы, так и не услышав от племянника взаимного признания. И теперь, на смертном одре, он продолжал ждать. Он до боли сжимал руку, не желая закрывать глаза, пока не получит этот ответ. Медсестра рядом растерянно пробормотала:

— Господин Чэнь, это...

Ду Юньтин долго смотрел на него, а затем тихо вздохнул.

Он медленно склонился к мужчине, словно пытаясь вырвать признание из глубины прошедших лет. Он представлял этот момент тысячи раз, но когда эти три слова оказались на кончике языка, они стали тяжёлыми, точно свинец.

Господин Гу был облаком в вышине, а он — лишь земным прахом. Долгие годы он взирал на него снизу вверх, и слова любви казались ему почти кощунством.

Но мужчина упрямо ждал. Ду Юньтин прикрыл глаза и едва слышно произнёс:

— Я...

Он говорил это умирающему, но одновременно обращался к господину Гу из своего настоящего мира.

— ...Я люблю тебя. Я полюбил тебя давным-давно.

Гу Ли впился в него взглядом, и эти слова принесли ему долгожданное освобождение. Он вдруг расслабился, последним усилием сжал ладонь юноши и больше не открыл глаз.

Ду Юньтин попросил всех выйти и долго сидел в тишине.

«Я в огромном выигрыше, — спустя долгое время заговорил он с системой. — Не только прожил с ним до седых волос, но и наконец-то смог это сказать... Я по-настоящему счастлив»

[Но ты плачешь], — с сомнением в голосе заметила 7777.

«Плачу?» — Ду Юньтин закрыл лицо руками.

«Я просто перестал понимать, Двадцать восемь... Где правда, а где вымысел»

Он горько усмехнулся.

«Я же знаю, что это лишь задание, иллюзия, в которую не стоит вкладывать душу. Но он... он был словно настоящий господин Гу»

Помолчав, он добавил:

«Ладно, считай это сном. Закрывай миссию, Двадцать восемь»

Он проводил мужчину в последний путь, устроил похороны, а затем, заперев окна и двери, открыл газ. Он заранее предупредил всех, чтобы его не беспокоили — ему хотелось тишины.

Когда люди взломали дверь, было уже слишком поздно. Старик лежал на кровати, и тело его давно остыло. В руках он сжимал одежду господина Гу, а на губах его застыла слабая улыбка, словно он видел прекрасный сон.

[День! Миссия завершена успешно!]

Перед глазами всплыла огромная таблица результатов. Цифры замелькали и замерли на отметке 91.

«Значит, теперь я богат?» — оживился Ду Юньтин.

Но не успел он договорить, как раздался бесстрастный электронный голос:

[Текущий баланс хоста Ду Юньтина: 14 баллов]

«...»

«ПОЧЕМУ?!»

[Хе-хе, — издала холодный смешок 7777. — Желаете взглянуть на выписку со счёта, должник?]

Салфетки, детский лосьон, гармонизирующая мазь, куча всяких лекарств... С тех пор как Юньтин узнал о складе системы, он не прекращал обменивать баллы на всякую всячину, и его долг вырос до небес. Едва получив «зарплату», он обнаружил, что не просто остался на мели, но и по уши в долгах.

Нищий хост вздохнул:

«Давай свою выписку... Чёрт, а мазь-то была чертовски дорогой!»

[Так что в следующий раз умерь свой пыл, — нравоучительно заметила система. — Не стоит так безрассудно пускаться во все тяжкие, ведь платить за всё придётся самому]

«...»

«Знаешь, Двадцать восемь, ты стала какой-то озабоченной»

Ду Юньтин открыл меню обмена и с тоской уставился на свои жалкие 14 баллов. Чего там только не было! Его взгляд зацепился за пункт «Два бип-бип редкого дракона», что повергло его в культурный шок.

«И на кой это нужно?»

Юньтин задумчиво потёр подбородок — предложение его почему-то заинтриговало... Но цена в 114 баллов быстро охладила его пыл. Для такого бедняка, как он, это было непозволительной роскошью.

Он перелистнул страницу и замер. В верхнем углу красовался предмет: «Купон на десятиминутное возвращение в реальный мир».

[После использования хост может вернуться в реальность на десять минут по окончании миссии], — пояснила система.

Цена кусалась — 250 баллов. Юньтин впервые в жизни проклял свою нищету. Знай он об этом раньше, сэкономил бы на всём.

«Надо было всё-таки отправить того подонка в Таиланд на операцию по смене пола», — с раскаянием подумал он. — «Тогда бы точно получил сотню баллов!»

[...Не помогло бы. Приди в себя, ладно?]

«Какое второе задание? — Ду Юньтин горел желанием поскорее приступить к работе. — Вдруг в этот раз мне всё же удастся кого-нибудь кастрировать»

Система лишь холодно усмехнулась. Даже не надейся, в этот раз тебе будет не до развлечений.

Начался процесс перемещения. Когда Ду Юньтин открыл глаза, обстановка вокруг разительно изменилась. Он лежал на жёсткой деревянной кровати без матраса, и от неудобства у него заныла спина. Стены были выложены из сырцового кирпича и сплошь обклеены газетами со старыми лозунгами. С пожелтевших страниц на мир уверенно взирал вождь, приветствуя народ.

Ду Юньтин сел и долго сокрушался:

«Двадцать восемь, ты жестока»

Дребезжащие велосипеды, талоны на еду и одежду, сухие кукурузные лепёшки, от которых першило в горле... Он выглянул в окно: по пыльной грунтовой дороге мужчины в соломенных сандалиях лениво брели к полям. Громкоговоритель на столбе разрывался, напоминая, что пора приниматься за работу.

Это были семидесятые годы. Время, когда за гомосексуальность можно было легко угодить за решётку.

В окне показалось лицо молодой девушки. Она была без капли косметики и смотрела на него с предельной серьёзностью.

— Товарищ Юй Хань, вы проснулись? Раз проснулись, живо за работу. — Она говорила назидательным тоном. — Мы, образованная молодёжь, приехали в деревню, чтобы откликнуться на призыв родины и помочь сельскому хозяйству. Лень и праздность — это порочные привычки. Выходи скорее, все наши только тебя и ждут.

Она пару раз громко стукнула по раме и решительно зашагала прочь, качнув модной тогда стрижкой.

Ду Юньтин нашёл у кровати зеркальце, наскоро пригладил волосы и последовал за ней.

На пустыре в конце тропинки собралась внушительная толпа — казалось, здесь сошлись все жители деревни. Секретарь деревенской партийной ячейки с рупором в руках вещал о новых директивах, призывая всех проникнуться их духом. Селяне, независимо от того, понимали они суть дела или нет, дружно аплодировали.

Юньтин заметил группу молодёжи справа, среди которых была и та девушка. Поняв, что это его товарищи-чжицины, он пристроился рядом. Парень, стоящий с краю, потеснился, освобождая место.

— Опоздал? Проспал, небось? — шёпотом спросил он.

Ду Юньтин кивнул. Юноша понимающе толкнул его плечом в плечо.

Все они были городскими студентами, отправленными на перевоспитание в глушь. Большинство из них происходили из приличных семей и тяжелее ручки в руках ничего не держали. Теперь же их, словно цыплят, бросили в суровые сельские условия, и привыкать было ох как непросто.

Секретарь, видимо, и сам это понимал, поэтому не погнал их сразу пахать в поле. Молодёжи поручили работу полегче: вместе со стариками и детьми собирать навоз, хворост, молоть муку

или готовить еду — задания, за которые давали всего один трудодень. Однако стояла невыносимая жара, и к полудню даже самая «лёгкая» работа становилась каторгой.

Ду Юньтину выдали корзину и отправили собирать навоз.

К такому труду он явно был не готов: он любил чистоту, и его движения были скованными и неловкими. Та самая девушка, Гао Ли, заметив его мучения, усмехнулась:

— Товарищ Юй, я, женщина, и то работаю быстрее вас!

Юньтин не поверил и заглянул в её корзину. Гао Ли с гордостью продемонстрировала результат: дно было скрыто под приличным слоем «улова».

Ду Юньтин с отвращением посмотрел на землю.

«...Двадцать восемь»

У системы возникло дурное предчувствие.

«Давай договоримся, — Юньтин сглотнул. — Одолжи мне пару прозрачных перчаток, а?»

7777 была вне себя от возмущения:

[Опять в долги?! Ты что, думаешь, я тут кредитная организация?]

Ду Юньтин вздохнул:

«Можешь не давать, но тогда тебе придётся ещё долго смотреть на мои страдания»

[Ладно, ладно, бери!] — сдалась Двадцать восемь.

Смотреть на это ей и правда больше не хотелось.

В перчатках дело пошло куда быстрее. Ещё не наступил полдень, а солнце уже нещадно палило. По лицу второго молодого господина Ду ручьями катился пот, и он то и дело вытирал лоб краем рубахи.

Внезапно кто-то протянул ему бутылку воды. Юньтин поднял голову и, прищурившись от яркого света, увидел юношу примерно своего возраста. Судя по виду — местный.

Сельский парень стоял рядом и добродушно улыбался:

— Устал? — Он перехватил корзину с плеча Юньтина. — Я сказал секретарю, что вы новички и ещё не умеете работать. Отдохни немного, я подменю тебя.

Гао Ли тут же оказалась рядом, и в её голосе зазвучало раздражение:

— Товарищ Юй Хань, как же так? Это задание партии! Как вы можете перекладывать свою работу на других?

Ду Юньтин почувствовал себя крайне несправедливо обвинённым: этот парень сам подошёл и забрал корзину! Но прежде чем он успел оправдаться, юноша примирительно улыбнулся:

— Это я сам решил помочь товарищам. — Затем он повернулся к Юньтину: — Эта девушка, верно, ошиблась, она просто не знает всех обстоятельств. Не принимай это близко к сердцу.

Ду Юньтин: «...»

В нём шевельнулось недоброе предчувствие.

«Сяо Лю, этот тип — и есть моя цель?»

[Да], — подтвердила 7777.

Она была слегка удивлена:

[Как ты догадался?]

Ду Юньтин прищурился:

«По нему сразу видно. Говорит сам с собой, сам собой восхищается, ещё ничего не произошло, а он уже лезет во всём быть «хорошим»... От него несёт типичной белой лилией за версту. Разве ты не чувствуешь этот запах?»

Система промолчала.

Ду Юньтин обладал отличным чутьём на людей. Этого юношу звали Бай Цзяньшэн, и он был законченным святошей. Такие люди обожают предъявлять завышенные моральные требования к окружающим — и в особенности к Юй Ханю.

Это была их первая встреча, и «святой отец» уже требовал от Юй Ханя быть великодушным и не обижаться на слова Гао Ли.

В будущем, когда сестра Бай Цзяньшэна украдёт у Юй Ханя часы, этот святой человек будет убеждать его не поднимать шума, а лучше и вовсе подарить их девочке — мол, пусть это станет для ребёнка уроком щедрости.

Когда в деревне начнут травить девушку-чжицина, Юй Хань захочет за неё заступиться, но именно этот добряк всё замял, заявляя, что девичья честь — дело тонкое, о нём нельзя кричать на каждом углу. А обидчик, дескать, человек семейный, просто оступился, и образованной молодёжи стоит проявить понимание.

Даже когда Юй Ханя лишили места в университете при распределении квот, Цзяньшэн уверял его, что злиться не стоит — ведь тот, кто занял его место, сделал это от отчаяния, и теперь его до конца жизни будет мучить совесть...

Прокрутив в голове эти сценарии, Ду Юньтин едва сдержался, чтобы не отвесить этому святоше пинка. Но это было ещё не всё.

В конце концов к Бай Цзяньшэну явилась любовница с ребёнком, требуя признания. Юй Хань заперся в комнате, не желая никого видеть, но этот мужчина и не подумал прогонять женщину. Вместо этого он сказал Юй Ханю: «Ты должен понять... Лили было не к кому идти, она сделала это ради нашего общего блага...»

У Ду Юньтина внутри всё закипело от возмущения. Это же классическое «ты всего лишь потерял ногу, а она потеряла свою любовь»! Откуда у этого человека столько наглости — возомнить себя спасителем человечества за чужой счёт?

Бай Цзяньшэн тем временем продолжал усердно поучать Гао Ли. Ду Юньтин, выбрав момент, когда девушка не видела, со всей силы отвесил ему пинка, отправив прямиком в пашню.

Гао Ли от неожиданности лишилась дара речи и лишь спустя мгновение вскрикнула:

— Юй Хань! Ты что творишь?!

Бай Цзяньшэн, барахтаясь в земле, с трудом поднялся. Острые стебли травы расцарапали ему руки до крови. Он принялся отряхивать одежду, но не успел вставить ни слова, как Юньтин опередил его:

— Ой, прости, пожалуйста! Я совсем засмотрелся и не заметил тебя под ногами, случайно задел. — Ду Юньтин сделал паузу и улыбнулся ещё более искренне: — Но ты ведь не в обиде, правда? Ты же у нас такой понимающий.

Святоша, у которого буквально вырвали почву из-под ног, смог лишь неловко выдать:

— Э... ну... да.

На этот раз ему было совершенно нечего возразить.

<http://bllate.org/book/15364/1373662>